

УДК 82

DOI: 10.34670/AR.2021.94.61.009

Параллели между М. Шолоховым и Л. Толстым в скандинавской рецепции XX века

Слюсаренко Лидия Михайловна

Аспирант,
Краснодарский государственный институт культуры,
ученый секретарь Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова,
346270, Российская Федерация, ст-ца Вешенская, ул. Шолохова, 60;
e-mail: lida_nik86@mail.ru

Аннотация

Изучение вопроса диалога культур в настоящее время приобретает особенное значение в условиях процесса нивелирования культурных ценностей в массовом сознании. Обращение к нематериальному культурному достоянию XX в. – художественным произведениям – как предмету международного культурного диалога помогает глубже осмыслить национальные культурные константы. Статья посвящена восприятию творчества Нобелевского лауреата М.А. Шолохова сквозь призму сопоставления с творчеством русского классика Льва Николаевича Толстого скандинавским читателем. Автор отмечает параллели, проводимые между Шолоховым и Толстым скандинавской аудиторией, и делает вывод о том, что М.А. Шолохов воспринимается не только преемником творческой традиции Л.Н. Толстого и других мастеров русской классической прозы, но и является абсолютно своеобразным художником, внесшим существенное обновление в реализм XX в., мастерски показавшим сложнейшие преобразования, произошедшие в народном сознании.

Для цитирования в научных исследованиях

Слюсаренко Л.М. Параллели между М. Шолоховым и Л. Толстым в скандинавской рецепции XX века // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 63-71. DOI: 10.34670/AR.2021.94.61.009

Ключевые слова

Михаил Шолохов, Лев Толстой, война, революция, преемственность, творческая традиция, культурные константы, реализм.

Введение

В одном из интервью шведской прессе на вопрос «Кого из русских писателей Вы более всего цените?» М.А. Шолохов ответил: «Их так много. Лично для меня выше всех Толстой, которого я считаю своим учителем. И Пушкина!» [Прийма, 1983, 359].

Вопросу преемственности эпической традиции Л.Н. Толстого в творчестве М.А. Шолохова уделяли внимание некоторые исследователи как в России (Советском Союзе), так и за рубежом (П. Белов, В. Гура, Н. Котовчихина, И. Лежнев, В. Петелин, К. Прийма, П. Сикерс, А. Хватов, Г. Хьетсо, Л. Якименко и др.). Между тем в настоящее время он далеко не исчерпан. Тема влияния творчества Л.Н. Толстого на мировой литературный процесс поистине необозрима, она привлекает внимание исследователей самых различных направлений, дает почву для постижения смыслов историко-культурного процесса XX в.

В данной статье предпринята попытка исследования феномена сопоставления творчества М.А. Шолохова с творчеством Л.Н. Толстого в скандинавской рецепции XX в., восприятия М.А. Шолохова в качестве преемника творческой традиции Л.Н. Толстого.

О творческом наследии Л.Н. Толстого, обусловившем формирование литературы послереволюционной России

Творческое наследие Льва Николаевича Толстого стало мощным отправным началом формирования мировоззрения последующих поколений писателей. Вне влияния «Войны и мира», «Анны Карениной» и других его романов, повестей и рассказов, публицистических статей не оставался ни один прогрессивный писатель XX в. У каждой культуры сложился свой опыт постижения творчества могучего русского художника слова, и, соответственно, появились те или иные смыслы, с ним связанные. Для читающей аудитории творчество Толстого стало своеобразным «мерилом» творчества писателей, идущих за ним. Читатель вольно или невольно «сравнивал» появлявшегося писателя-прозаика XX в. с широчайшей творческой парадигмой Толстого, находил те или иные «параллели».

Российский литературовед Г.В. Жирков отмечает: «*Эпоха 1880-х – начала XX в. – это эпоха Льва Николаевича Толстого, который в этот исторический период был совестью русского общества. В художественных, публицистических и философских произведениях он ставил основные, вечные и актуальные вопросы человеческого бытия: жизнь человека и ее ценность, труд и его значение, человек труда – основа человеческого общества, духовность жизни человека и общества, вера и нравственность в жизни человека и др.*» [Жирков, 2019, 7].

Толстой указал «дорогу» последующему поколению писателей. Однако читатель, уже имеющий перед глазами страницы толстовских произведений, воспринимал новую русскую литературу с большей степенью требовательности, как бы вопрошая, могут ли идти русские писатели дальше Толстого, могут ли избежать эпитонства, могут ли «впитать» традиции Толстого и «преобразовать» их в новое слово.

Творчество М.А. Шолохова глазами скандинавского читателя. Шолохов – «новый Толстой». Преемственные связи

В условиях глобальных перемен в России начала XX в., связанных с революцией и государственным переворотом, кардинальной сменой ценностных ориентиров, диктуемых новой системой управления, появление объективного художника слова казалось утопичным в

силу многих причин. Мощный эмигрантский поток, бескомпромиссное отношение советской власти к интеллигенции усиливали впечатление о линейности зарождающейся советской литературы. К новой советской литературе зарубежная публика относилась скептически.

Характеризуя взгляд русского зарубежья на советскую литературу, который распространялся среди европейской читающей аудитории, В.В. Васильев отмечает сложившийся стереотип в ее восприятии: *«Отношение к Шолохову и советской литературе во многом определялось расхожим мнением о том, что в новой России выбита самая почва, порождающая крупных художников, и при большевистской власти могут процветать только “отпрыски Демьяна Бедного, “корифея пролетарской культуры””, безликая бездарность, приспособляющаяся и низводящая изящную словесность до пропагандных идей и примитивных лубочных агиток»* [Васильев, 2003, 6]. Появление такого писателя, как М.А. Шолохов, меняло представление о новой русской литературе, восстанавливая преемственность традиций мощной русской литературы XIX в.

В Скандинавских странах Шолохова сразу отнесли к продолжателям традиций русской классической прозы. Нередки были сопоставления с прозой Гоголя, Лескова, Горького, однако на первый план по частоте сопоставлений вышло имя Л.Н. Толстого. Скандинавская аудитория видела Шолохова продолжателем творческой традиции Толстого, подчеркивая преемственную связь чаще всего именно между ними. В 1930-е гг., когда «Тихий Дон» только поступил на скандинавский книжный рынок, критики отмечали: *«...Шолохов – новый великий русский писатель, новый Толстой, вышедший из окопов, но живущий требованиями реализма наших дней. При чтении книги тысячи раз наталкиваешься на удивительную простоту. Встречаешься с простыми людьми. И все же надо сказать, что эта книга величественна в изображении водоворота человеческих судеб и гениальна своим искусством рассказа...»* [Прийма, 1983, 145].

Причины возникновения параллелей между творчеством Шолохова и Толстого кроются в глубоком совпадении культурных констант, на которых писатели сосредотачивали свое внимание и которые так искусно воплотили в своих произведениях.

Произведения Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова как предмет русско-скандинавского диалога культур

М.М. Бахтин видел художественное произведение как отражение многовекового культурного развития народа, произведение не ограничивается рамками какой-либо исторической эпохи даже при условии, что оно напрямую связано с определенным промежутком времени: *«Великие произведения литературы готовятся веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания»* [Бахтин, 1979, 331]. Он вывел поистине уникальное свойство диалога культур – «внеаходимость» [Там же, 334] как способность произведений одной культуры выступать средством познания культуры другой. В итоге в обеих культурах возникают новые смыслы, грани понимания. Произведения Толстого и Шолохова, несомненно, обладают свойством «внеаходимости»: они явились предметом рецепции многих культур, в частности предметом русско-скандинавского диалога культур. Результатом этого диалога стали отмечаемые исследователями закономерности, смыслы в понимании культурных кодов, существования механизмов преемственности внутри русской литературы, а также понимание русской литературы как литературы мировой.

Основной параллелью между двумя писателями стало использование жанровой формы – роман-эпопея, художественными приемами воплощения которой они виртуозно владели. Органичное соединение большого исторического пласта с изображением конкретных судеб, глубина пейзажей, масштаб батальных сцен, удивительный психологизм романов Толстого и Шолохова поражали читателя.

Норвежский критик Нильс Бреггер указывал на «силу» полотен русских писателей и возможность их сопоставления: *«Можно быть уверенным в том, что шолоховское полотно так же сильно, как и у Толстого. Я знаком с русскими писателями, которые стремятся работать над подобными батальными полотнами, возможно, это связано с силой этой страны и ничего общего не имеет с политикой. Романом, которому “Тихий Дон” подобен по своему содержанию, форме и по величю эпического созидания, является “Война и мир”»*¹.

Роман «Поднятая целина» также был отнесен в Дании к классической русской прозе. Ханс Кирк писал по этому поводу в газете «Ланд ог фольк» (ноябрь 1947 г.): *«Величие Шолохова заключается в его эпическом таланте, в его правдивости. У него то же спокойное дыхание, что и у Льва Толстого в “Войне и мире”. В его романе “Поднятая целина” описан трудный период построения русского общества, переход от единоличного хозяйства к коллективному. Речь шла о жизни великой рабочей республики. Обо всех событиях рассказывает Шолохов в живописных главах с таким человеческим юмором и сочувствием, равного которому трудно найти»*².

Творчество М.А. Шолохова не раз подвергалось критическим выпадам, возникающим по поводу тенденциозности советской литературы, однако критики в большинстве своем отмечали объективность писателя, его независимую позицию от идеологических рамок. *«Никакая тенденция не нарушает повествования, – писал К.А. Буландер в рецензии, – красные и белые – одинаково жестоки, и огромная страстность Михаила Шолохова – подлинная»* [Марченко, 2017, 502].

Заслуживает внимания и отзыв Торстена Фогельквиста, также воспринимающего Шолохова фактически как парадокс, возникший в условиях диктатуры: *«В России пишет Шолохов... Этот писатель – интересный пример того, как даже самая радикальная революция не в силах разрушить сильные литературные традиции. Только что своей раздольной, красочной, богатой казачьей эпопеей “Тихий Дон” Шолохов проявил себя как прямой наследник великой русской прозы»* [Там же, 504].

Говоря о жанре эпопеи, необходимо отметить восприятие шолоховского повествования о казаках с точки зрения его истинной народности, основывающейся во многом на фольклорной основе. Д.С. Лихачев и многие другие исследователи указывали на взаимосвязь русского реализма, получившего развитие в XIX в. и в последующее столетие, и древнерусской литературы. Черты реализма, присущие древней русской литературе, «не прямые проповеднические наставления и обличения, на которые так щедры были древние авторы, а бесхитростные примеры, конкретные деяния, невольные выражения чувств, когда автор как бы “проговаривается”» [Лихачев, 2015, 188], обрели свое развитие в реализме конца XIX в.

«Укороченность расстояний», представление о конкретных живых людях, конкретном

¹ Бреггер Нильс Кр. Великий роман // Нашунен. 1956. 20 октября. Шолоховский фонд РОМК. КП-2890/19.

² Кирк Х. «Поднятая целина» М. Шолохова // Ланг ог фольк. 1947. Фонды Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. КП-2808/1243.

родном пейзаже, о событиях, ощущающихся как недавно прошедших, – все эти черты связывают, объединяют реалистическое искусство с древнерусской литературой, которая, в свою очередь, схожа с древнескандинавскими сагами: *«По своей поэтичности “Тихий Дон” Шолохова можно сравнить с исландскими сагами и романом “Война и мир” Толстого... Люди у Шолохова – как живые... и все у него – и любовь, и ненависть, и смятение, и кровопролитие – изумляет и потрясает... Быть чувствительным и не быть сентиментальным, так воздействовать и не быть сенсационным (в стиле) – и то и другое – искусство!»* [Прийма, 1983, 144].

Преемственность традиций дореволюционной русской прозы, ярко проявившаяся в творчестве М.А. Шолохова, стала своеобразным свидетельством того, что «советская» литература не растеряла той мощи, которую ей придали писатели-реалисты XIX в., но в то же время она вышла на новую ступень развития в изменившихся условиях. Творчество Шолохова ознаменовало собой новый этап в художественном осмыслении реальности в условиях глобальных исторических перемен в стране. Писатель выразил последствия этих изменений «изнутри», отразив точку зрения народа на происходящие события, его метания и поиски гармоничного бытия. В этом контексте уместно высказывание финского писателя и критика Пааво Ринталы: *«До революции великая русская проза шла рука об руку с гражданской совестью эпохи. Шолоховский “Тихий Дон” был написан в 1928-1940 гг., и тем не менее он примыкает к традициям великой русской эпике, может быть, более органично, чем какой-либо другой большой советский роман. Шолоховский способ живописать время и людей с их надеждами знаком нам уже по “Войне и миру” Толстого. <...> У Толстого была своя философия истории, которой он следовал, изображая нашествие Наполеона в Россию. У Шолохова более суровое видение: там, где Толстой сам обращается к нам, Шолохов предоставляет право говорить пронесшимся над “Тихим Доном” событиям»* [Карху, 1984, 105].

Крупной параллелью, пронизывающей восприятие творчества обоих писателей, является их осознание революции. Л.Н. Толстой *«поразительно рельефно воплотил в своих произведениях – и как художник, и как мыслитель, и проповедник – черты исторического своеобразия всей первой революции, ее силу и ее слабость»* [Ленин, 1973, т. 20, 20]. Он выступил провозвестником приближающихся изменений, предсказывая тот момент, когда русский народ, наконец, обретет свой голос (вспомним довольно известные мысли Толстого о будущих перспективах русской литературы: *«счастливы те, кто будет участвовать в выплывании»* [Толстой, 1963, т. 61, 274-275]). В произведениях, публицистических статьях Толстой показывал необходимость преобразований народной жизни. Шолохов своеобразно принял эстафету, переданную Толстым и Горьким, и на весь мир заговорил *«о том, как великий русский народ осознал свою силу и взял свою судьбу в собственные руки»* [Книги..., 1975, 32].

Шолохов не прославляет революцию, но показывает влияние ее на сознание казачества, из века в век исправно несшего государственную службу и столкнувшегося вдруг с глубокими изъянами существующей системы: *«Первая часть “Тихого Дона” не имеет много общего с мерцающей и поверхностно экспериментирующей прозой в первые годы после революции. Этот роман, скорее всего, можно присоединить к дореволюционной русской эпике, при его чтении беспрерывно возникают ассоциации с Толстым, Гоголем, Лесковым. <...> Как уже говорилось, шолоховские романы имеют много общего со старым русским эпосом. Само собой разумеется, что при этом нельзя не думать о “Войне и мире”. Шолохов считает, что*

революция была необходимостью, но прославлять ее как таковую он не намерен»³. Объективное отражение драматического конфликта сторон, участвующих в революции, позволило художнику вскрыть ее сущность как героического и одновременно глубоко трагического периода в истории русского народа.

Скандинавский читатель, проводя ассоциации творческой манеры Шолохова и Толстого, чаще всего сопоставлял «Тихий Дон» и «Войну и мир» на предмет осмысления такого масштабного социального потрясения, как война: *«Тем или иным образом “Тихий Дон” может быть сравним с “Войной и миром” Толстого. Роман Толстого рассказывает о наполеоновской войне, роман же Шолохова – о русской гражданской войне. В литературном отношении вероятно, что Шолохов не написал бы так своего романа, если бы в помощь и на радость ему не существовало бы “Войны и мира”.* В обоих случаях речь идет о реалистических романах, где война является причиной, а мир в доме – фоном. *“Война и мир” Толстого – это огромная энциклопедия всего, что Толстой знал о среде и людях, в то время как широкий по диапазону роман Шолохова, несмотря на свою широту, игривее, спонтаннее, современнее, более непосредственно приветливее. Однако в этих сравнениях не стоит заходить слишком далеко. “Тихий Дон” – произведение, живущее своей собственной и какой-то особенно взбудораженной жизнью, и то, что в конце она приходит к смерти, совершенно закономерно и является следствием своей яркой силы. Это великая трагедия, трагедия страны казаков, трагедия человеческих судеб»⁴. Во многих интервью, беседах с современниками М.А. Шолохов не раз отмечал, что тема войны всегда притягивала его как художника. Он был реальным очевидцем Гражданской войны, лично знаком с ее участниками, впоследствии в качестве военного корреспондента побывал на пяти фронтах Великой Отечественной войны, что, несомненно, обусловило и дальнейшее его творчество. Трагическое у Шолохова выступает фундаментальной основой его художественного мировоззрения.*

Неслучайно многие критики отмечают, что Шолохов творчески трансформировал художественный метод Л.Н. Толстого [Вишнякова, 2017]. При этом процесс воздействия наследия Толстого на художественный стиль Шолохова ни в коей мере нельзя относить к прямому подражанию. Уникальная самобытность Шолохова противостоит попыткам отнести его к подражателям манеры классиков-предшественников. Продолжая естественным образом традиции русского реализма XIX в., Шолохов внес существенное обновление в русский реализм, показав сложнейшие преобразования, происходящие в массовом, народном сознании. Эти преобразования были вызваны революцией, которая прервала прежнюю «изолированность» народной массы: *«Если мы сравним донской эпос Шолохова с несравненным казачьим романом Толстого, то мы обнаружим неразрешимую и безнадежную изолированность Толстого. У Шолохова чаяния народа и мысль обновления неразделимы друг от друга. В тематике донского эпоса, во всей его атмосфере воплощается тот союз народа и идей, о котором мечтал Толстой»⁵. В высказывании Пекка Таркка отмечен новый этап в*

³ Юнсон Т. Эпос советской России. 1930-е гг. // Фонды Ростовского областного музея краеведения. КП-2890/80.

⁴ Ивар Лу-Юханссон. «Тихий Дон» М. Шолохова // Морген Дагбладет. 1940. 20 октября. Фонды Ростовского областного музея краеведения. КП-2899/78.

⁵ Пекка Таркка. Первая Нобелевская премия социалистического реализма. Михаил Шолохов вблизи // Ууси Суоми. 1965. 16 октября. Фонды Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (архив К.И. Приймы). КП-2808/303.

развитии русской литературы, связанный с появлением иного взгляда на воссоздание мира и человека в контексте изменений народной жизни после революции 1917 г.

Параллелей между творчеством писателей, выявляющихся в контексте русско-скандинавского диалога культур, множество. Это и особое место пейзажа в произведении, и понимание художниками мужского, женского, детского начал. Их невозможно соотнести в рамках обзорной статьи, учитывая широчайший диапазон затрагиваемых областей.

Если обратиться к истории присуждения М.А. Шолохову Нобелевской премии, длившейся более 30 лет, то и в ней нередки упоминания о Толстом как о прямом предшественнике Шолохова. Так, после появления на книжном читательском рынке романа «Поднятая целина» в начале 1930-х гг. в шведских газетах отмечалось, что Шолохов является достойнейшим кандидатом: *«Шолохова неслучайно называют иногда преемником Толстого. Он повествует с широтой, с несметным количеством ярких деталей, так удивительно обрисовывает человеческие характеры, что с ним редко кто может сравниться в современной литературе. Если когда-нибудь Нобелевскую премию присудят Советскому Союзу, ее, конечно, получит Шолохов...»* [Марченко, 2017, 504].

Заключение

Изучение скандинавской рецепции творчества М.А. Шолохова в плоскости сопоставления с творчеством Л.Н. Толстого позволяет выявить смыслы, связанные с восприятием иностранным читателем русской культуры сквозь призму изменений, происходящих в России конца XIX – начале XX в. (назревание серьезных изменений в сознании русского человека, Первая мировая война, революция и их последствия, соотношение личного и коллективного начал, осознание русского народа в новой формации творцом своей истории). Скандинавские реципиенты однозначно отмечали, что М.А. Шолохов успешно унаследовал традиции русских писателей-протагонистов Гоголя, Лескова и в особенности Толстого. Но в то же время именно у Шолохова народ обретает голос под натиском необратимых мощных потрясений. Шолохов вывел реалистическое искусство на новую ступень развития, предсказанную и ожидаемую Толстым, Достоевским.

Фигуры таких писателей, как Л.Н. Толстой и М.А. Шолохов, объективно стали знаковыми в мировом литературном и историко-культурном процессе. Дальнейшее исследование данного вопроса позволит глубже понять закономерности развития русско-скандинавского диалога культур, явившегося для обеих сторон источником взаимообогащения.

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Васильев В.В. (сост.) Шолохов и русское зарубежье. М.: Алгоритм, 2003. 448 с.
3. Вишнякова Е.А. Литературная критика 1930-х годов о традиции Л.Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 33-36.
4. Жирков Г.В. Се человек... Публицистическое слово Л.Н. Толстого к человеку и человечеству. М.: Флинта, 2019. 767 с.
5. Карху Э. Шолохов в Финляндии // Север. 1984. № 6. С. 101-105.
6. Книги М.А. Шолохова на языках народов мира. М., 1975. 96 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1973. Т. 20. 583 с.
8. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. 540 с.
9. Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 672 с.
10. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону, 1983. 560 с.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 61.

Parallels between M. Sholokhov and L. Tolstoy in the Scandinavian reception of the 20th century

Lidiya M. Slyusarenko

Postgraduate,
Krasnodar State Institute of Culture,
Scientific Secretary at the National Sholokhov Museum-Reserve,
346270, 60 Sholokhova str., Veshenskaya, Russian Federation;
e-mail: lida_nik86@mail.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the perception of the work of M.A. Sholokhov by Scandinavian readers, perceiving Sholokhov as the successor to the creative tradition of Leo Tolstoy. The author of the article addresses the works of Mikhail Bakhtin, who developed the concept of dialogue between cultures and pays attention to the fact that the work of Leo Tolstoy, and then Mikhail Sholokhov, was the subject of dialogue between cultures, in particular the dialogue between Russian and Scandinavian cultures. There were a number of global changes in Russia that the revolution in 1917 entailed, that is why the appearance of a new writer, who inherited the traditions of Russian classical prose and embodied them in new historical conditions, seemed a paradox for a foreign reader. The author points out that there are some parallels between works written by Mikhail Sholokhov and Leo Tolstoy. The Scandinavian audience noted the original style, the undeniable innovation of Mikhail Sholokhov in the development of realistic art. Having described the parallels between M. Sholokhov and L. Tolstoy in the Scandinavian reception of the 20th century, the author concludes that Sholokhov, acting as the successor to Russian classical prose, brought realism to a new stage of development.

For citation

Slyusarenko L.M. (2021) Paralleli mezhdru M. Sholokhovym i L. Tolstym v skandinavskoi retseptsii XX veka [Parallels between M. Sholokhov and L. Tolstoy in the Scandinavian reception of the 20th century]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 63-71. DOI: 10.34670/AR.2021.94.61.009

Keywords

Mikhail Sholokhov, Leo Tolstoy, war, revolution, continuity, creative tradition, cultural constants, realism.

References

1. Bakhtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ.
2. Karkhu E. (1984) Sholokhov v Finlyandii [Sholokhov in Finland]. *Sever* [The North], 6, pp. 101-105.
3. *Knigi M.A. Sholokhova na yazykakh narodov mira* [Books by M.A. Sholokhov in the languages of the peoples of the world] (1975). Moscow.
4. Lenin V.I. (1973) *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.* [Complete works: in 55 vols.], Vol. 20. Moscow.
5. Likhachev D.S. (2015) *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture* [Selected works on Russian and world culture]. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
6. Marchenko T.V. (2017) *Russkaya literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel

-
- Prize]. Moscow: Azbukovnik Publ.
7. Priima K.I. (1983) *“Tikhii Don” srazhaetsya* [And Quiet Flows the Don is fighting]. Rostov-on-Don.
 8. Tolstoi L.N. (1963) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.], Vol. 61. Moscow: Goslitizdat Publ.
 9. Vasil'ev V.V. (comp.) (2003) *Sholokhov i russkoe zarubezh'e* [Sholokhov and Russian communities abroad]. Moscow: Algoritm Publ.
 10. Vishnyakova E.A. (2017) Literaturnaya kritika 1930-kh godov o traditsii L.N. Tolstogo v “Tikhom Done” Mikhaila Sholokhova [The literary criticism of the 1930s about the tradition of L.N. Tolstoy in Mikhail Sholokhov's *And Quiet Flows the Don*]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 9-1, pp. 33-36.
 11. Zhirkov G.V. (2019) *Se chelovek... Publitsisticheskoe slovo L.N. Tolstogo k cheloveku i chelovechestvu* [This is man... L.N. Tolstoy's journalistic word to man and humanity]. Moscow: Flinta Publ.